

попадаетъ. Евангеліе и новая жизнь открывается передъ нимъ. Но все это могло случиться и со всякимъ другимъ человѣкомъ, пораженнымъ послѣдствіями своего преступнаго поступка. Отъ героя графа Толстого ожидалось, что проникнутый его ученіемъ, онъ приложитъ его къ жизни; что онъ воскреснетъ къ ней, познавъ «ученіе истины», проповѣдуемое графомъ Толстымъ. Я именно этого «воскресенія» и ждалъ. Я хотѣлъ видѣть, какимъ образомъ его герой приступитъ къ новой жизни, отказываясь отъ того коренного понятія, которое было привито ему отъ рожденія. Я хотѣлъ видѣть, какіе мотивы побѣдятъ логику Нехлюдова и заставятъ его признать *необходимость* воскресенія въ новую жизнь при полномъ убѣжденіи, что его личное бытіе не переживетъ распаденія тѣла. Ни чуть не бывало. Можно подумать, что Нехлюдовъ вступилъ въ новую жизнь, какъ и всякій другой вѣрующій христіанинъ.

Вопросъ поставленъ ясно. Одно изъ двухъ: или индивидуальное *я* при смерти погибаетъ, или, вступая въ новую сферу существованія, сохраняется. Тутъ не можетъ быть середины, ибо эти взгляды діаметрально противоположны и другъ друга исключаютъ. Если *другой* жизни нѣтъ, то естественно человѣкъ ставитъ себя центромъ *этой* жизни, и цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы взять отъ этой жизни все, что